

*75-летию
Великой Победы
посвящается*

А.Л. Головцов

**О подвигах,
о доблести,
о любви**

Киев 2020

75-летию Великой Победы посвящается

А.Л. Головцов

О подвигах, о доблести, о любви...

*«Нельзя, нельзя за скоростью, за бытом,
За злобой дня, подвижною, что ртуть,
Считать тот ужас снятым и забытым,
Людская память! Вечным стражем будь»
Михаил Львов*

Детство моего поколения, поднявшегося к жизни в первые послевоенные годы, прошло в окружении и под решающим воспитательным воздействием поколения фронтового - счастливо судьбой отмеченных солдат Великой Отечественной войны, победивших и выживших, не сломившихся под чудовищными физическими и нервными нагрузками военных лет, не принизившихся в пору послевоенной психологической реабилитации. Они вернулись из ада, где выполнили святое дело – спасли свою страну, европейские народы от германского фашизма, устроившего всемирную резню, залившего землю реками человеческой крови - чтобы доказать своё расовое превосходство, утвердить себя господами и хозяевами мира, биологически уничтожить целые народы, превратить их покорившиеся остатки в рабов. Они, солдаты-победители, прошли все круги ада, увидели мерзкую изнанку человеческого бытия, узнали цену человеческой жизни и, пережив глубокие личные потрясения, духовно очистились и нравственно поднялись над послевоенной средой соотечественников. Пламя войны сделало их людьми сильного закала и особой духовной структуры – прямыми, честными, справедливыми, чуждыми злу, эгоизму, двурушничеству, лжи, презирающими пресмыкательство, лицемерие, подлость, зависть.

*«Мы столько в землю положили,
Мы столько стойких пережили,
Мы столько видели всего –
Уже не страшно ничего...» (1)*

Они задавали тон и градус общественной жизни, они служили примером, по ним равнялись, по их моральным меркам строилось институтское, школьное воспитание. В прекрасном городе срединной Украины, городе моего детства, милой и уютной Умани, такими людьми были преподаватели сельскохозяйственного института – мой отец, Леонтий Аврамович Головцов (всю войну – танкист), Иван Маркиянович Карасюк (артиллерист, защищал Москву, деблокировал Ленинград), Антонина Кузьминична Ольховская-Баркова (военная медсестра, начинала в Сталинграде), Николай Григорьевич Евстратов (моряк, защищал Севастополь), Николай Ильич Делеменчук (боевой подполковник), Степан Назарович Беззубенко (старшина), Алексей Семёнович Андриенко (гвардии старшина), Иван Михайлович Павлов (Герой Советского Союза); элита школьной интеллигенции – Фёдор Иосифович Ковальчук (танкист - учитель украинского языка и литературы, школа №4), Георгий Варфоломеевич Мищенко (военный лётчик, по программе ленд-лиза перегонял через Северный полюс на фронт американские самолёты - директор школы №12), Иван Александрович Герасименко (командир орудийного расчёта – директор школы №4), Василий Михайлович Цвилюховский (пехотинец – директор школы

№7), Харитон Степанович Хоменко (участник Керченской операции, подполковник – выпускник двухгодичного Уманского учительского института, учитель истории школы №15)...

В их числе, ещё молодых – не старых, был и мой учитель, Василий Васильевич Романченко, – историк, завуч средней русскоязычной школы номер четыре. Из-за особенностей расписания уроков историю нашему классу читал другой педагог, и контакты мои с бравым завучем носили преимущественно воспитательный характер и завершались для меня, как правило, то вызовом родителей в школу, то выговором в личное дело, то снижением на балл-другой четвертной оценки по поведению. Лишь много-много лет спустя, на стыке столетий, когда судьба, одной ей ведомыми путями вновь свела меня с Василием Васильевичем, общение наше стало регулярным и взаимно интересным – с обсуждением текущих событий общественно-политической жизни, с возвращением в общее школьное прошлое, с фронтовыми воспоминаниями моего прадавнего наставника. Уже первые совместные посиделки убедили меня в удивительной, возрасту не поддавшейся, ясности ума и точности суждений старого учителя, в широте его эрудиции, начитанности, в хорошем знании им классической философии, этики и эстетики. Поразила его памятьливость в изложении событий далёких военных лет, с подробностями боёв – тяжёлых отступлений, победных атак и сражений, с десятками имён и фамилий однополчан, погибших, без вести пропавших, потерявшихся на дорогах войны; с деталями фронтового быта, с анализом и оценкой особенностей человеческих чувствований и межчеловеческих отношений на войне.

*«Меняются цифры, стираются даты,
Но в памяти вечно шагают солдаты.
Стучат и стучат в головах батальоны,
И сон выбивают из глаз, воспалённых». (2)*

Войну он, выпускник педагогического техникума, успевший год поучительствовать, начал в составе сформированной в Донбассе «Пролетарской дивизии», дрался в тяжёлых оборонительно-наступательных боях под Ростовом, летом сорок второго года выходил из тяжёлого окружения под Харьковом (после него рядового Романченко отправили на полугодовые офицерские курсы «Выстрел»), участвовал в окружении, разгроме и пленении немецко-фашистских войск под Корсунь-Шевченковским зимой-весной сорок четвёртого года. На всём протяжении фронтового пути он, потомок украинских хлеборобов, не жалея живота своего достойно, отважно исполнял воинский долг – бил «врага ненавистного» и был отмечен за это боевыми наградами. Завершилась его боевая одиссея за Карпатскими горами, где в конце октября сорок четвёртого года последнее, самое тяжёлое ранение окончательно выбило его, возмужавшего командира пехотного батальона, из боевого строя; военная медицина выходила его – он остался в числе тех трёх процентов, родившихся в двадцать третьем году фронтовиков, которые, как свидетельствует беспристрастная статистика, выжили в войне. (3) Три года пробыл он в ужасах фронтовой круговерти, много видел и пережил, многое – как боец-защитник, боец-освободитель – сделал. Он видел смерть и увечья, безмерные страдания товарищей по оружию, мирных жителей, сожжённые города и сёла; видел, преломленные сквозь призму боевых будней, проявления высокого и низкого, доброго и злого; как сотни тысяч советских солдат, физически перенапрягался в тяжёлом, опасном фронтовом труде и, глядя смерти в глаза,

переживал колоссальные моральные нагрузки, жил в состоянии непрерывного внешнего насилия над его психикой - неизменным спутником самого страшного изобретения человеческого безрассудства, войны. В феврале 2010 года, в восемьдесят седьмой день рождения моего Учителя, я выслушал от него очередную фронтовую новеллу и, суммировав её с ранее слышанными, добавив свои документальные комментарии и стихотворные цитаты, переложил на бумагу краткие, фрагментарные воспоминания одного из героев Великой Отечественной войны – Василия Васильевича Романченко. . Ему – слово!

О психологии, побудительных мотивах на войне

*«Война не вмещается в оду,
и многое в ней не для книг.
Я верю, что нужен народу
души откровенный дневник»*

Семён Кирсанов

Моё поколение молодых фронтовиков родилось и выросло в только возникшем Советском Союзе, воспитывалось в духе идеологии нового общественного строя и в минуты опасности встало на защиту своей страны. Сознание и поведение моего поколения сформировалось под влиянием веры в мудрость руководителя государства и правильность линии партии, привычки к труду и бытовым трудностям, готовности пожертвовать собой, чувства коллективизма, желания служить в армии, воспитания выносливости и готовности к войне, стремления к учению и овладению военными специальностями, безмерно высокого патриотического настроения. Мы отличались юношеским задором, эмоциональностью, импульсивностью в поступках, категоричностью и максимализмом в суждениях. Мы были романтиками, искали идеал и стремились подражать ему, в нас были обострённое чувство справедливости, пренебрежение к опасности, стремление к самоутверждению.

*«Вчера мы писали диктанты,
Чертили по доскам круги,
А утром уже интенданты
Нам выдали сапог» (4)*

Война, с самого её начала, избавила нас от многих иллюзий, сдвинула в сознании многих из нас границы между хорошим и плохим, правильным и неправильным. С самого начала боевых действий рассеялся, как дым, внушавшийся нам образ немецкого солдата трудящегося – друга Советской страны. Стало ясно, что немец – это сильный противник, жестокий враг; стало ясно – чтобы защитить Родину, большую и малую, родных и близких, чтобы спастись самому, нужно убивать, убивать, убивать оккупантов – садистов и насильников.

Из директивы А.Гитлера А.Розенбергу о введении в действие Генерального плана «Ост» (23 июля 1942 г.): «Славяне должны работать на нас, а в случае, если они нам больше не нужны, пусть умирают. Прививки и охрана здоровья для них излишни. Славянская плодовитость нежелательна...образование опасно. Достаточно, если они будут уметь считать до ста... Каждый образованный человек – это наш будущий враг. Следует отбросить все сентиментальные возражения. Нужно управлять этим

народом с железной решимостью... Говоря по-военному, мы должны убивать от трёх до четырёх миллионов русских в год». (5)

В первый период войны (до победы под Сталинградом) мы сознавали реальность колоссальной угрозы, и хотя большинство из нас верило в окончательную победу, ярость к врагу смешивалась с болью страшных потерь и поражений. Первоначальная военная катастрофа вызвала состояние психологического шока, поэтому, наряду с проявлениями массового героизма, в это страшное время были многочисленны факты сдачи в плен наших солдат. Реакцией Верховного Главнокомандующего был приказ сорок первого года о пленных (№226), приравнявший нахождение в плену с изменой; затем, после нашего сокрушительного поражения под Харьковом, в июле сорок второго года, вышел приказ №270 («Ни шагу назад!»), который ввёл штрафные батальоны, заградительные отряды (приказ этот зачитали во всех воинских подразделениях, а затем, как официальный документ, уничтожили). Введённые репрессивные меры были беспощадно-жестокими – вместе с реальными трусами и изменниками они затронули многих безвинных бойцов, волей обстоятельств, оказавшихся в безысходном положении. Теперь в окружении, в неравном бою солдату приходилось выбирать не между жизнью и смертью, а только разновидностью последней: погибнуть в бою, сохранив человеческое достоинство, от пули заградительного отряда, быть расстрелянным как дезертир или умереть голодной смертью в плену. В сопровождении заградотряда в атаку не ходил; при командире полка был специальный взвод автоматчиков, который, помимо прочих задач (в том числе – строительного, бытового характера), решал задачу предотвращения паники в случае даже намёков на её проявление, но – без использования оружия. Помню только один эпизод отправки в штрафной батальон солдата нашего полка – командир поставил провинившегося по стойке «смирно», скомандовал: «В штрафной батальон – шагом марш!», и отправился бедолага практически на верную смерть, но... выжил. Позже встретил его с гирляндой наград на груди: если солдат в штрафбате не погибал, получал ранение («искупал вину кровью»), его возвращали в штатный строй. С переломом в ходе войны изменилось наше психологическое состояние. Мы научились побеждать, а следы разрушений и злодеяний на освобождаемых территориях добавляли ненависти к врагу, жажды мести, ускоряли наше движение на запад. Кадровый состав армии к этому времени был фактически выбит, и ротами, батальонами, даже полками командовали бывшие гражданские лица, в том числе и мы, вступившие в войну вчерашние школьники.

*«Мы мужали
В сражениях день ото дня,
С соседом до битвы сдружаясь,
Друзей после битв хороня» (6)*

Война скоро избавила нас от лихости и необдуманного риска, сделала рассудительными и осмотрительными, научила нас не высокими словами – личным примером утверждать командирский авторитет, реальную суть патриотизма и исполнения воинского долга, честь и стойкость солдата, научила по-военному профессионально готовить и выполнять поручаемые нам боевые задания, укреплять моральный дух подчинённых, проникаться их проблемами и переживаниями, быть требовательными к ним. Жёсткая дисциплина отвечала жестоким реалиям войны. Повиновение, становившееся инстинктом, вырабатывало у бойцов автоматизм в действиях, который, суммируясь, увеличивал общую согласованность в бою, порождал воинскую солидарность. Фронтная жизнь очень сближала людей, и боевое товарищество, коллективизм и взаимовыручка были основой

фронтового братства. Но (цитирую Ларошфуко) – «Высшая доблесть состоит в том, чтобы совершить в одиночестве то, на что люди отваживаются лишь в присутствии многих свидетелей». Нелегко было солдату, каждый раз вступая в бой, преодолевать внутреннюю боязнь, рисковать жизнью, однако – окружение боевых товарищей, непосредственное управление и наблюдение командира, побудительные мотивы (честь, присяга, честолюбие, опасение упрёков в трусости, страх перед неотвратимостью наказаний) возбуждали, стимулировали к проявлению бесстрашия, отваги. Героизм же высшей пробы выявлялась тогда, когда солдат, что называется, с глазу на глаз оказывался с врагом и дрался до последней капли крови, дорого отдавал свою жизнь и, как просто погибший или без вести пропавший, не получал заслуженной посмертной оценки своего подвига. Впрочем, при любых обстоятельствах многое в критические минуты боя определялось характером бойца: одни перед лицом неизбежной беды бежали, другие сопротивлялись с яростью дикого зверя, третьи противопоставляли ей хладнокровную осмотрительность. Но всё решал переданный по генетическим каналам от предков инстинкт защиты, охранения родной земли, продления существования своего рода, своего народа и тогда – в минуты смертельной опасности патриотизм охватывал бойца не по приказу, а по внутреннему велению, и жизнь теряла цену перед патриотическим чувством.

*«И про отвагу, долг и честь
Не будешь зря твердить.
Они в тебе, Какой ты есть,
Каким лишь можешь быть» (7)*

Война для солдата – это борьба со страхом. Страх, как естественная реакция человеческого организма на опасность, на болезнь, на старость, во фронтовой обстановке имеет другие основания: страх поражения или пленения, страх быть раненым, искалеченным или самым великий из всех страхов – страх быть убитым. Страх смерти мучил сознание впервые попавших под обстрел бойцов, проявлялся в их неадекватной реакции на происходящие события, вплоть до рвоты от страха. У меня в первом бою от страха громко, до звенящего в ушах внутреннего эхо, били дробь зубы; комбат похлопывал меня по плечу, говорил: «Ничего, сынок, привыкнешь, привыкнешь!» Позже, уже как командир, я повторял эти слова своим необстрелянным бойцам, повторял, твёрдо зная, что научиться не бояться невозможно; что бесстрашие – это не отсутствие страха, а его преодоление в определённый отрезок времени и в конкретной боевой обстановке; что страх смерти не оставит бойца до уготованной ему роковой пули или, если суждено ему выжить, – до последнего залпа войны.

*«Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу - во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно
Тот ничего не знает о войне» (8)*

Страх неравномерно распределялся во временном цикле фронтовой жизни бойца. Постоянно и угнетающе воздействуя на его психику, он взлетал до своего максимума в целом ряде боевых ситуаций, одна из которых – оказаться под артиллерийским огнём противника. Трудно представить этот, на земле воплощающийся, ад крошечный тому, кто в нём не бывал; и не хватает мне слов и душевной сдержанности, чтобы описать эту человеческую мясорубку! В такой смерчи огня и поражающего металла имел шанс выжить тот, кто вовремя укрывался в траншее, в окопе, кто успевал нырнуть в свежую снарядную

воронку (вероятность вторичного попадания в неё снаряда – мала), но, как я не раз наблюдал, неизбежно погибал тот, кто терялся под вой падающих снарядов, суетился, кудато бесцельно бежал. И ещё – на войне страх резко набирал силы в минуты предчувствия очередной опасности, ожидания стремительно надвигающейся беды, но он глушился у не впавшего в панику, вступившего в бой солдата силой сопротивления, борьбы, азартом схватки, жадной победы. Для пехотинца на войне, наверное, самое страшное – ожидание атаки, когда нервы взвинчиваются до предела; когда голова раскалывается от боли, а язык прилипает к гортани; когда внутренне прощаешься с жизнью и молишься о спасении... Вспоминаю – отремела артиллерийская подготовка, взлетела сигнальная ракета и, пока временно подавленный враг не пришёл в себя, взбираешься на бруствер окопа и хриплым, просевшим голосом командуешь «Вперёд!», поднимаешь бойцов в атаку.

*«Я поднимаюсь. Медленно. Вполроста.
Я делаю свой первый трудный шаг.
Но оторваться от земли не просто:
последний страх заныл в моих ушах» (9)*

Война для солдата – это постоянное наблюдение гибели боевых товарищей, тех, кто дни и ночи, бок о бок с тобой, бились с врагом, в равной мере с тобой рисковали своими жизнями и избегали смерти. Но вот – их час пробил, они погибли, а ты продолжаешь жить. И мысль о том, что в их числе мог бы быть и ты, что, возможно, жизнями своими они продлили твоё земное бытие, буравит твой мозг. И прощаясь с погибшими однополчанами, ты не стыдишься своих слёз – горя и благодарности.

*«Пусть всех имён не назову,
нет кровнее родни,
Не потому ли я живу,
что умерли они?» (10)*

Всё это я многократно испытал и пережил на фронте. Испытал и усиливающуюся с каждым прожитым днём глубинную тоску от понимания беспощадного статистического факта – чем дольше ты остаёшься живым на войне, тем больше у тебя вероятность погибнуть в каждый последующий миг твоего неопределённого фронтового будущего. И одновременно – когда мой боевой стаж стал заметно значительным, очередной, встреченный мной на передовой рассвет укреплял во мне почти мистическую надежду, в веру, переходящую, что какая-то внешняя сила – судьба, молитва матери, любимой девушки – оберегает меня, что я доживу до победы.

*«И от пули невредим, и жарою не палим
Прохожу я по кромке огня.
Видно, мать страданьем своим
Защитила от смерти меня» (11)*

Война для солдата – это воистину каторжный труд, труд смертельно опасный, с редкими перерывами на отдых. Это запредельные физические нагрузки днём и ночью, в жару и в холод; это марш-броски, длительные переходы с полной выкладкой; это форсирование вплавь полузамёрзших рек и, с риском навсегда уйти в трясины, преодоление топких болот; это максимально ускоренное перемещение по горным кручам пехотинцев – с орудиями,

миномётами, пулемётами, боеприпасами; это многочасовое нахождение на передовой - в лютый мороз, в испепеляющую жару, под ливневым дождём; это постоянные землеройные работы – траншеи, окопы, ходы сообщения, землянки; это подмена собой отказавшей - в сугробах, в весенне-осенних распутицах - конной или механизированной тяги... Этот труд адов отбирал у солдата все его силы и чуть больше, он был непрерывен и не давал солдатскому организму отдыха. Организм истощался в бессоннице, требовал, наперекор воле солдата, сна и использовал всякую возможность, выхватывал каждую свободную минуту для отключения от внешнего мира и тогда – солдат спал сидя, стоя, на ходу; спал мертвецким сном даже под грохот канонады, но, повинувшись приобретённому на войне условному рефлексу, мгновенно просыпался, услышав своё имя.

*«Лицо застигает потом.
Дорога домой длинна.
Врезается в грунт пехота,
Ворочает глину рота
Четвёртую ночь без сна.
Такая у нас работа –
Война» (12)*

О женщине на войне

В благодатную уманскую пору моей жизни, начавшейся в предалёком пятьдесят втором году и продолжавшейся почти четыре десятка лет, моё рабочее утро начиналось засветло. Из дому я выходил за час-полтора до начала уроков и, если не было отвлекающих обстоятельств, по дороге в школу заворачивал к расположенной в центральном городском сквере братской могиле советских солдат, погибших при освобождении Умани в марте сорок четвёртого года. Я останавливался у места вечного упокоения братьев по оружию, с которыми, за несколько недель до штурма города, победно бился с фашистами под Корсунь-Шевченковским (после окружения и разгрома врага с остатками своего полка я отправился на переформирование, а они на плечах отступавших оккупантов ворвались в Умань и погибли, освобождая её). Я становился по стойке «смирно» перед надгробным памятником, минутой молчания чтил память погибших, перечитывал их, высеченные на граните фамилии, и задерживал взгляд на одной строке печального мартиролога: «К.П. Ноздрячёва, 18 лет». Я кланялся праху девушки-солдата, выражая тем самым особую, из глубины души идущую благодарность нашим боевым подругам – живым и мёртвым, - делившим с нами мужчинами-фронтовиками все тяготы военной жизни, помогавшим нам, спасавшим нас, благодарил за их тяжкий, совсем не женский, труд на войне, за их мужество и героизм.

*«Я не бродила по туристским тропам
Над морем, в ослепительном краю, -
В семнадцать лет, кочуя по окопам,
Я увидела Родину свою» (13)*

...Девочки-добровольцы появились на фронте уже в первые месяцы войны. Их было не так уж много, они внутренне были готовы к подвигу, к самопожертвованию, но не были готовы они – физиологически и психологически - к армии: к потере личной свободы и принудительному характеру поведения, к тяжёлым бытовым условиям, к грязи и вшам, к непосильным физическим нагрузкам, к крови и смерти, к постоянному стрессу, к неизбежному страху смерти. С сорок третьего года, когда Красная Армия перешла в общее

наступление, женщин стали призывать на фронт по мобилизационному плану, и их, прямое или косвенное, участие в боевых действиях, стало значимым явлением войны. Женщины бойцы служили связистами, радистами, снайперами, зенитчицами, были основой медицинского персонала, обеспечивали бытовое обслуживание личного состава. Женщина на фронте была единственным проблеском тепла и нежности для отвыкших от дома, от семьи солдат и, вместе с тем, была объектом мужского домогательства. Следует помнить - мы были молоды и, несмотря на все тяготы фронтовой жизни, ощущали вечный зов основного инстинкта; фронтовые отношения мужчины и женщины, откровенно говоря, не всегда предварялись долгим ухаживанием, любовной игрой - реальная фронтовая жизнь была сурова во всех своих ипостасях (не хочу в этом вопросе быть ханжой и чистоплюем). Разные были женщины-фронтвички. Одни руководствовались правилом «война всё спишет», были безразличны к мнению окружающих, и, кстати, фронтовая мораль гораздо строже судила неверную жену, изменившую воину-фронтвику с «тыловой крысой», чем мимолётную подругу, пожалевшую идущего на смерть солдата.

*«Спасибо той, что так легко,
Не требуя, чтоб звали - милой,
Другую ту, что далеко,
Им торопливо заменила» (14)*

Другие женщины-военнослужащие стабилизировали свою интимную жизнь, становились сожительницами офицеров, их «походно-полевыми жёнами» (ППЖ – на фронтовом сленге). Нередки были случаи, когда призванные в армию женщины беременели; наше, мужское, отношение к таким женщинам было предельно уважительным, их окружали заботой, делали всё, чтобы с возможными для военной поры удобствами отправить их домой, чтобы не было у них дорожных проблем. Но тем и сильна жизнь, что даже под пулями не переставали фронтвики – мужчины и женщины – любить, мечтать о счастье, о создании семьи. Были пары, составившиеся на войне, вместе прошедшие её до победного конца и устроившие после войны общую семейную жизнь. Но чаще любовь на фронте завершалась печалью или большой трагедией - разводили влюблённых фронтовые дороги, обстоятельства или смерть-разлучница делала своё чёрное дело. Моё отношение к феномену «женщина на войне» было сложным, неоднозначным: ценил женщин как боевых товарищей, благодарил внутренне их за боевую помощь, за поддержку; глубоко сочувствовал им, попавшим в роковой список участников войны, отдававшим лучшие годы своей жизни молоху войны, постоянно находившимся между жизнью и смертью и потому вынужденно жившим одним фронтовым днём ; считал противоестественным, что женщина, призванная рождать и воспитывать детей, давать душевное тепло семейному очагу, берёт на себя мужские обязанности – защищать родную землю, дом, семью. Я понимал, что страна, которая понесла огромные потери в начальный период войны, остро нуждалась в помощи женщин там, где они могли заменить солдат мужчин - и всё же... «Не ваше это дело, девчата, не ваше», - не раз повторял я про себя, наблюдая, как отважные санитарки оказывают первую помощь раненым бойцам, как, надрываясь, вытаскивают их волоком - на плащ-палатке - из-под огня, как сами страдают от полученных ран, как гибнут.

*«Она лежит, не легендарная,
Смежив ресницы, как во сне,
А рядом сумка санитарная*

С бинтом кровавым на ремне» (15)

. Когда я, томимый прошлым, перелистываю в памяти страницы своей фронтовой книги воспоминаний, обязательно дохожу до одного эпизода боя в Карпатских горах: фашисты, пытаюсь вырваться из окружения, бешено и безуспешно контратакуют, ведут интенсивный артобстрел; мы окапываемся, вгрызаемся в землю, гибнут боевые друзья, стонут, просят помощи раненые, и вдруг - пронзительный крик иссечённой осколками санитарки сдавливая, режет моё сердце: «Мама! Мамочка! Помоги! Спаси меня!»

Случайная встреча

*«Есть в памяти мгновения войны,
что молниями светятся до смерти...»*

Сергей Поделков

В июле сорок четвёртого года наша, 66-ая Гвардейская Полтавская дивизия (командир, генерал-майор Фролов), в составе 18-ой Армии (генерал-лейтенант Е.П.Журавлёв), с начала августа вошедшая в состав воссозданного для Карпатской операции 4-го Украинского Фронта (командующий, генерал-полковник И.Е.Петров), начала наступление - от Черновцов в сторону Станислава. Взяв города Коломыя, Отыня, мы далее уклонились влево от Станиславского направления, стали всё более и более углубляться в предгорья Карпат. Не сразу – позже, мне, командиру батальона, стала понятна суть стратегического замысла командования: рейдом по Карпатам наша армия должна была обойти Станислав и, встретившись с наступающей от Тернополя 1-й гвардейской армией, замкнуть кольцо окружения вражеских войск. Непросто вести наступление в горах – затруднено организованное передвижение, нет непрерывной линии фронта, ослабляется визуальный контроль боевой ситуации, усложняется управление бойцами. Всякая высота, занимавшаяся противником, давала ему преимущество в обороне; нам, наступающим, приходилось с боем брать эти естественные укрепления, нести немалые потери. Во время одного такого приступа впервые столкнулся с власовцами; они били по нас из пулемётов, издевательски кричали нам: «Эй, мужичок! Ты из какой губернии?», «Эй, мужички! Держитесь, сейчас камешками зашибём». Насмешки предателей добавили силы, высоту мы взяли (власовцев, как известно, в плен не брали). Трудностей рейду по Карпатам добавляли большие перепады высот, густые леса, вязкая почва, крутые берега горных рек, их непредсказуемый режим воды, большие плоские поляны (полонины), служившие природными ловушками для нас, наступавших. С нами воевали специально обученные и экипированные горные стрелки, мы же были обычными пехотными частями. Приходилось нам – то на конной тяге, то вручную – перетаскивать по горам и долам пушки-сорокапятки, батальонные и ротные миномёты, пулемёты системы «максим», проводить за собой караваны навьюченных боеприпасами, продовольствием лошадей. Трудно было выносить, точнее, вытаскивать на «волокушах» - две плащ-палатки, две палки - из-под огня раненых бойцов, оказывать им первую медицинскую помощь. Когда мы наткнулись на лесную дорогу-лежнёвку (вымощенную, поперёк, брёвнами), переходили на неё, сообщали её координаты арьергарду и продолжали движение вперёд. Случилось так, что в один и тот же день мой батальон и батальон капитана Левченко, очень удачно заняв высоты над разными лесными дорогами перехватили колонны отступающих мадьяр. Мы, что называется, отсекали огнём колонне (не менее двух тысяч численностью) «голову» и «хвост», но получили резкий, стрелковый и орудийный отпор, понесли потери и,

разъярённые, - в течение получаса наголову разгромили противника. Остаток колонны (сотни три человек), с обозом отконвоировали в тыл. У Левченко атака с высоты обошлась без потерь – мадьяры (тысячи четыре!), были оглушены мощным огнём и сдались без боя. Их разоружили и с растянувшимся на несколько километров обозом, без конвоя, отправили навстречу следовавшим за нами нашим частям. За эти операции многие наши бойцы были отмечены наградами, меня наградили орденом Отечественной войны, Левченко – Красной Звезды.

Момент истины наступил в первых числах августа, у города Долина, где наша дивизия узким длинным клином врезалась в расположение немецко-мадьярских войск, выбитых из Станислава и выходивших из намечавшегося для них окружения. Подорвав перед отступлением артиллерийский арсенал, они всей мощью, собранной в кулак живой силы и техники, обрушились на наши части, стремясь срезать угол образовавшегося «клина», уничтожить, рассеять нас, расширить проход для вывода своих войск. Это был один из самых кровавых боёв во всей моей фронтовой эпопее. Преимущество врага было подавляющим. По нас, с удесятерённой силой били танки, самоходные орудия, скорострельные пушки, миномёты, без перерыва строчили пулемёты и автоматы, стреляли снайперы. Мы окопались, рассеялись между крайними домами, укрылись в их подвалах. Пытались контратаковать, но – безуспешно. («Вперёд!» - взревел командир пулемётной роты Шмаков, выскочил, размахивая автоматом из укрытия и мгновенно был убит. За ним, обкладывая фрицев трёхэтажным матом, пошёл командир взвода Шатаев (грудь – иконостас наград), больше я его никогда не видел. Закричал, вызывая санитаря тяжело раненый боец; санитар Ткачук, исполняя долг солдата, не пополз – побежал, чуть пригибаясь под пулями и осколками, на крик, и только наклонился над раненым, как снаряд прямым попаданием накрыл обоих.) В критический момент боя пришла подмога: послышалось нарастающее «Ура!», и я увидел – через поле спелой ржи, обстреливая, оттесняя от нас немцев и мадьяр, бежали бойцы соседнего полка, прикрывавшие наш фланг. И вдруг, среди наших спасителей я узнал... своего дядю, Кирилла Ерофеевича Красиловского. Он также заметил меня. - Василь! – кричал дядя «рідною українською мовою», кричал просто и обыденно, будто мы только вчера виделись, вместе прогуливались по нашему родному селу Ставище, что на Киевщине. - Василь! Ми сьогодні стільки німців побили, стільки німців побили! Он остановился, мы обнялись, перекинулись двумя-тремя фразами, и он побежал за своими, преследовать и дальше бить «німців». - Василь! – крикнул он напоследок, обернувшись на бегу. – Будеш живим – не забудь моїх дітей! Для оставшихся в живых бойцов батальона этот бой закончился. Мы отступили к лесу, к нам стали подтягиваться бойцы других частей, отбившиеся от своих в ходе боя и отступления. «Тогда считать мы стали раны, товарищей считать». Потери наши были большими, но и фашистских гадов мы положили немало, решив важную боевую задачу – отбросили противника в горы, подготовили плацдарм для преодоления Карпат. И задача эта была решена, в том числе, ценой жизнью моих друзей-однополчан, чьи фамилии, с трудом сдерживая слёзы, я вычёркивал из строевого списка батальона после кровавого побоища у города Долина.

*«Я в гарнизонном клубе за Карпатами
читал об отступлении, читал
о том, как над убитыми солдатами,
не ангел смерти, а комбат рыдал» (16)*

...Осенью сорок четвёртого года в семью Красиловских пришло извещение о том, что их муж и отец пропал без вести. Пришло большое горе, с которым большая, лишившаяся кормильца семья трудно жила долгие годы (семьям без вести пропавшим за отсутствовавшего кормильца пенсии не платили), пока не притупилась боль утраты, пока не выучились и трудоустроились дети. Памятуя последнюю просьбу дяди, я, чем мог, помогал его детям - материально, с учёбой, с работой. Прошло много лет после окончания войны, и однажды, в начале семидесятых годов, разговорившись в очередной раз с двоюродным братом, Андреем Красиловским, о судьбе его отца, я предложил ему съездить к месту моей последней встречи с дядей Кириллом, обойти все окрестные солдатские захоронения, братские могилы. Андрей, не задерживаясь, поехал в город Долина и на монументе, установленном на братской могиле воинов освободителей, в большом скорбном списке прочитал: «Кирилл Ерофеевич Красиловский».

«Кубанка»

*Он не дожил, не долюбил, не допил,
Не доучился, книг не дочитал.
Я был с ним рядом.*

Михаил Дудин

В июне сорок четвёртого года, когда наша армия с боями проходила Карпаты, к нашему батальону пристал молодой казак 9-ой Казачьей Кубанской пластунской дивизии. По какой причине он отстал от своих – не помню; такие случаи были обычным делом, поэтому наше командование известило о случившемся командование пластунской дивизии, навело справки об отставшем, и новый боец был включён в список моего батальона, поставлен на все виды довольствия. Имени казака не помню, тем более что с первого дня пребывания у нас за ним закрепилась кличка «Кубанка». Был он одет в традиционную форму пластунов – черкеска с газырями, в которые были вставлены деревянные колышки, прикрытые сверху жестяными колпачками; штык-нож в деревянных, покрытых чёрным лаком ножнах; шапка-кубанка с голубым кантом. (Пластунская дивизия была уникальным формированием в Красной Армии. Состояла она из кубанских казаков, в ней не было деления на роты и батальоны, полки состояли из сотен, в каждой сотне – по три-четыре взвода. Дивизия была сформирована в начале сорок четвёртого года и летом того же года была переброшена на фронт, для участия в Карпатской операции.) Наш новичок держался особняком, в перерывах между боями подолгу сидел в одиночестве на земле, обхватив колени руками, и о чём-то очень напряжённо думал, казалось, какая-то грусть-тоска грызла его сердце. Пулям он не кланялся. Но в смелости его была какая-то отчаянная решимость. Порой казалось, будто он сам ищет смерти, а смерть его, раз за разом, обходит. Однажды вечером, перед боем за очередной населённый пункт, наш Кубанка излил в песне свои внутренние переживания. Пел мрачно, сосредоточенно, с сильным надрывом.

*Посмотри, изодранные в клочья
Облака за горизонт спешат,
И тревогой налитые очи
В тишине о чём-то говорят*

*И хоть я беседую с тобою,
Но другие мысли у меня,*

*Может, завтра, в утро голубое,
Мне седлать горячего коня.*

*Может быть, в степи, за полустанком
Разгорится небывалый бой,
Потеряю я свою кубанку
Со своей удалой головой.*

На следующий день Кубанка погиб. Погиб на моих глазах – то ли от шальной пули, то ли от выстрела снайпера. Был конец июля, понедельник, и - будто вчера это было - по сей день вижу я падающего с высокого забора (своего последнего боевого препятствия) моего фронтового друга, его залитую кровью голову, его слетевшую в дорожную пыль кубанку.

Горькая любовь

*Ну, а дальше – белая палата
Да повязки тяжкие в крови,
В тёмной биографии солдата
Светлая страница о любви.
Борис Костров*

Были в моей фронтовой жизни десять суток вынужденных госпитальных каникул, волею судьбы обернувшихся в волшебную сказку любви - чистой, как родниковая вода, яркой, как солнце, и ... горькой, несравнимо горькой из-за её предопределённой краткости. «Немало прожил я, уже усеян земной мой путь листвой сухой и жёлтой», но всякий раз, возвращаясь мысленно к тем незабываемым дням моего любовного горения, я вспоминаю черты лица, мимику, жесты, слова моего ангела-хранителя, каждую мелочь наших отношений и – болею этим. Во второй половине августа сорок четвёртого года, в бою за очередной населённый пункт в Карпатах меня легко ранило – мелкие осколки посекали кисти рук. На такие «царапины» внимания не обращали, санитарка на месте обработала мои раны, и я остался в строю. Но через несколько дней «царапины» воспалились, нагноились, и командир полка отправил меня в полковую санчасть. Женщина-врач, майор медицинской службы, осмотрев раны, возмутилась моей беспечностью, едва не приведшей меня к гангрене. назначила уколы пенициллина и переливание крови (из моей вены в мою же филейную часть). Представила мне медсестру Аню (средний рост, худощавая, правильные черты чуть удлинённого лица, серо-голубые глаза, русые, коротко подрезанные волосы и – нечто во взгляде) и оставила нас двоих. Пока Аня готовила шприц, я подошёл к ней и с неожиданной для самого себя развязностью обнял её за талию.

- Капитан! – удивлённо вскинула брови Аня – Мне сразу показалось, что вы интеллигентный человек, а вы, как другие, считаете, что мы должны удовлетворять ваши прихоти.

- Так-так! – принял я тон и темп разговора. – Во-первых, не капитан, а товарищ капитан. А, во-вторых, не просто товарищ капитан, а товарищ гвардии капитан.

- Так, может быть, вас называть «ваше благородие»?

- Откуда ты такая острая на язык?

- Из Воронежа.

- И что, у вас там все такие?

- Нет, через одну.

- Не завидую я вашим парням. Лицо Ани посерьёзнело, помрачнело. - Все наши парни воюют.

Много позже, оценивая свой импульсивно-развязный поступок, я пришёл к выводу, что им я инстинктивно прикрывал своё внутреннее смущение, вызванное стремительно вспыхнувшим влечением к умной, обаятельной девушке. Возможно, дальше к смущению добавилось лёгкое уязвление самолюбия, вместе удерживавшие меня от первого шага, хотя я видел и чувствовал, что также «глянулся» Ане с первых минут нашего общения, с первых фраз нашей ироничной словесной дуэли. Первый шаг, уже на второй день нашего знакомства, сделала деликатная, всё понимавшая Аня. На небольшой, покрытой густой травой, окружённой высокими смирёнами полянке (месте наших ежедневных прогулок) она положила мне на плечи руки и, чуть откинув голову, пристально взгляделась мне в глаза, будто пытаясь через них заглянуть мне в душу; затем с величайшей осторожностью, лёгким касанием поцеловала уголки моих губ и, положив голову на моё плечо, тесно прижалась ко мне, переполненному нежностью, трепетавшему от немого восторга. И была страсть, было чувство, были бессвязные, милые, ласковые слова. Потом, отдыхая, положив голову на мои ноги, она задумчиво смотрела в небо, признавалась мне в любви и горестно размышляла:

- Я люблю, очень люблю тебя! Люблю, хотя знаю, что недолго нам быть вместе. У нашей любви нет будущего, смерть день и ночь витает над нами, особенно над тобой, находящимся на передовой. Всё, что происходит, между нами, - навсегда моё, и я знаю, что ты тоже будешь жить этим. Строить планы на будущее – плохая примета, а я суеверная, боясь за тебя, не хочу, чтобы ты погиб. Поэтому давай договоримся – никаких планов на будущее, никаких обещаний и клятв.

Она была несравненной, выделялась удивительной рассудительностью, трезвостью суждений, внутренней культурой, начитанностью, казалось, её не тронул грубый военный быт. Она мало говорила о своём прошлом, узнал я только, что ей девятнадцать лет, что её родители – врачи, что хотели они, используя свои возможности, оставить дочь в тылу, но она настояла на своём и, как весь её выпускной класс, ушла на фронт. Мы радовались друг другу, говорили о позабытых бытовых пустяках мирной жизни, пересказывали прочитанные книги, иногда я пел (у меня, кстати, был неплохой, переходящий в дискант, тенор). Боле других песен Ане нравился романс «Дымок от папиросы», было видно, что её волнует его печальный финал: «Неумолимо проходит счастье мимо. Ко мне, я знаю, ты не вернёшься никогда». Однажды мы углубились в лес дальше обычного и попали под миномётный обстрел. Мины свистели в полёте, громко чавкая, взрывали землю. В какой-то момент меня будто ударило в сердце. Я вскочил, судорожно обхватил Аню и, буквально протаскив её несколько метров, бросил за толстой смерекой на землю, упал на неё. Послышался резко набирающий силы свист и взрыв – мина попала точно в то место, где несколько мгновений назад сидели мы с Аней.

- Боже! - возбуждённо закричала Аня. – Ведь ты спас меня от смерти! Любимый, ты спас меня!

- И себя тоже, - резонно заметил я. – Может быть, судьба хранит нас, может быть, мы оба доживём до победы, и мы будем вместе.

Я выразительно посмотрел на Аню, но она ничего не ответила и только капельки слезинок, медленно выкатываясь на её ресницы, падали на траву.

За день до выписки меня вызвала главврач.

- Что вы сделали с нашей Аней? Она ходит вся в слезах.

- Мне тоже хочется не плакать – рыдать, но я не имею на это права. Сердце моё разрывается при мысли, что мне нужно расстаться с Аней. Но мне завтра в бой, и Аню я больше никогда не увижу. Мы уже говорили с ней об этом.

- Хотите, я на два-три дня задержу вас в санчасти?

- Не надо этого делать, зачем продолжать травить душу, и через двадцать, и через тридцать дней будет то же самое. Я не имею права задерживаться здесь. Есть долг, честь, присяга - меня ждут бойцы.

- Вы очень правильно всё сказали, и вы, как человек, мне очень нравитесь.

- Я вас очень прошу, берегите Аню. Она – удивительная, замечательная девушка, ей не место на войне.

Прощались мы тяжело и долго. Обняв меня, прижавшись головой к моей груди, Аня горько плакала, и её тёплые слёзы капали мне за гимнастёрку, на грудь.

- Ты ещё встретишь не одну на фронтовой дороге, - говорила она сквозь слёзы.

- Что касается меня – я не скоро приду в себя, я вся растворилась в тебе и не чувствую себя. Пройдёт немало времени, прежде чем я восстановлюсь душевно. Если вернусь домой - выйду замуж; родится сын – назову его Василием, родится дочь – Василиной. И знай – я буду молиться за тебя. На прощание я подарил Ане своё стихотворение, простое, сердцем написанное: «Любимая, нежная Аня! Я не забуду облик твой. Была ты мне нежною няней, будто бы мамой родной».

Аня подарила мне трофейный бумажник - большой, толстый, с множеством отделений. Я уходил вниз по склону, к дороге, где меня ждал подготовленный к отправке обоз. Я шёл, и раз за разом оглядывался - Аня стояла наверху, махала мне рукой, её стройная фигурка становилась всё меньше и меньше, пока не превратилась в точку и – навсегда исчезла. ...Тридцать первого октября сорок четвёртого года, в бою за Ужгородом я был тяжело ранен – шесть осколков ударили в мои руки и ноги. Один из них, самый опасный, застрял в большой берцовой кости, второй мог стать роковым для меня – он чуть не добрался до бедренной кости, но на пути его оказался подарок Ани, ставший для меня её талисманом. Осколок попал точно в бумажник, в котором были мои документы, часы, в который был вложен мой толстый офицерский блокнот; пробив его насквозь, осколок потерял силу и застрял в мягкой ткани бедра. Бойцы вытащили меня из-под огня, оказали первую помощь. Далее – госпиталь в Самборе, эвакуация в тыловой госпиталь, в Днепропетровск, где я встретил День Победы. Всё это время я был в гипсе, положение моё было серьёзным, врачи боролись за мою жизнь, несколько раз обсуждали вопрос ампутации искалеченной ноги. И все эти месяцы лечения я не переставал думать об Ане, порывался разыскать её через полевую почту, но останавливался. Не мог представить себе, что письмо Ане (если получилось бы найти её) напишет чужая рука (мои руки не работали), не хотелось огорчать её своей немощью, неясными перспективами моего выздоровления... После войны началась у меня новая жизнь. И в жизни этой – от послевоенной молодости до глубокой старости – рана на ноге (Анин «кленовый лист») ежедневно визуально напоминает мне о первой и неповторимой фронтовой любви, случившейся в моей жизни в конце августа сорок четвёртого года.

Авторы цитат, ссылок: (1) – Михаил Львов, (2) – Виктор Гончаров, (3) – Е.С.Сенявская, (4), (6) - Евгений Винокуров, (5) – Максим Хрусталёв, km.ru, (7) – Александр Твардовский, (8), (13) – Юлия Друнина, (9) – Григорий Глазков, (10) – Степан Щипачёв, (11) – Алексей Сурков, (12) – Николай Новосёлов, (14) – Константин Симонов, (15) – Яков Козловский, (16) – Семён Гудзенко.